

Тайный Город

Вадим Панов

Исполняющий желания

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Исполняющий желания / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов
Вадим», 2016 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-90328-3

Максим Воронов, правнук чекиста Якова Бортникова, в 1926 году сопровождавшего экспедицию Николая Рериха в Шамбалу, унаследовал от прадеда не только пятикомнатную квартиру в сталинском доме, но и загадочные часы старинной фирмы «Брегет». Антикварные часы оказались с секретом, который втянул счастливого наследника в противостояние между человеческими магами и обитателями Тайного Города за обладание легендарным Камнем Чинтамани, обнаруженным Рерихом на пути в Шамбалу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90328-3

© Панов В. Ю., 2016
© Эксмо, 2016
© Панов Вадим, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вадим Панов, Вячеслав Шалыгин

Исполняющий желания

© Панов В., Шалыгин В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

1926 год, Алтай, Чуйский тракт, 753 верста

Мировая гармония не любит идеальных форм, прямых линий и симметрии. Многообразие контуров, россыпь мелких деталей, игра оттенков, миллионы мазков богатейшей палитры, водопады звуков и вихри запахов – вот что создает объемную картину. И особенно ярко она воплощается в горах, ибо вряд ли что-нибудь еще в подлунном мире настолько же разнообразно, бессистемно и при этом – совершенно...

И горы, выглядящие порождением самого Хаоса, были воплощением Гармонии.

Так бывает...

Каменная осыпь превратила дорогу в узкую тропу, сделала особенно трудной, и лошади двигались по скальному карнизу с предельной осторожностью, медленно переставляли копыта, иногда запинаясь о разнокалиберные камни, фыркая и косясь на близкий край пропасти. Тревожное ржание, негромкие окрики проводников и стук камней, то и дело скатывающихся мимо растянувшейся по карнизу экспедиции, тонули в заунывной, как местные напевы, мелодии ветра.

Все давно спешили, даже проводники-алтайцы, сопровождавшие экспедицию от самого Ново-Николаевска, полгода назад ставшего Ново-Сибирском, и напряжение от путешествия по узкой тропе нарастало с каждой секундой. Даже главе экспедиции в какой-то момент захотелось плюнуть и отступить, но развернуться было попросту негде: путь по опасному карнизу вел вперед и только вперед. К гармонии или нет, сейчас не имело значения.

Сейчас нужно было идти.

– Скоро, – тихо сказал идущий первым проводник, и остальные члены экспедиции передали его слова по цепочке.

Скоро...

А что «скоро»? Сквозь преддождевую хмарь просматривался небольшой участок тропы, ярдов на сто, не больше, утомленным путешественникам казалось, что дальше карниз становится шире. Но так ли это?

– Долина, – скупно произнес глава экспедиции, когда до него дошло сообщение от проводника.

И на губах его спутников появились улыбки.

Долина!

Узкая, поросшая елями и пихтами, рассеченная надвое маловодной бурливой речкой, ныряющей в ту самую пропасть, что страшным провалом зияла справа от тропы. Но все-таки долина. И была она достаточно просторной и ровной, чтобы перевести дух и шагать дальше смело, не опасаясь, что осыпь стянет в бездну, а со склона прилетит на голову камень. Долина... Можно расслабиться...

И восхититься величию великолепного вида на белые вершины Северо-Чуйского хребта, который прятал от досужих взглядов жемчужину Алтая – загадочную гору Белуха.

И восхитились. Причем – все: и «офицеры», если можно так выразиться, экспедиции, то есть люди творческие или же образованные, и их простые спутники. Никто не остался равнодушным. А глава экспедиции, Николай Рерих, поймал себя на мысли, что готов вытерпеть все, лишь бы увидеть и зарисовать белые шапки величественного хребта, запечатлеть на холсте еще один фрагмент мировой гармонии. Нервное и физическое перенапряжение, совершенно лишнее в его почтенном возрасте, забудутся вмиг, едва только взору откроются великолепные вершины.

Рерих знал точно. Ведь это были не первые горы в его жизни.

Не первые, но особенные, беспощадно, до щемления сердца прекрасные, даже на взгляд искусственного художника. Может быть, потому, что они наиболее близки к центру мироздания? А может, потому, что где-то среди отрогов хребта или ближе к Белухе находятся ворота в мистическое царство безмятежности и совершенства?

Шамбала – от этого слова захватывало дух у всех, кто верил в существование воплощенной благодати, скрытой от суетного мира горами волшебной красоты.

А Рерих – верил.

Но находились – даже среди участников экспедиции – и скептики. Нет, они не отрицали существования Шамбалы, но считали ее страной воображаемой, спрятанной в душе верующего, и достижением ее им виделось состояние просветления и духовного равновесия.

К числу таких скептиков принадлежал и Луис Хорш, неизменно элегантный, подвижный и предприимчивый молодой мужчина латиноамериканской наружности, коммерческий директор нескольких принадлежащих Рериху предприятий в Нью-Йорке, финансист и снабженец экспедиции.

Будучи убежденным прагматиком, свято чтущим принцип: «Богу – богово, а кесарю – кесарево», Луис не верил, что Шамбала существует в материальном мире. Но, как положено ушлым заокеанским финансистам, отлично умел делать деньги на всем, и даже на затяжных экспедициях с сомнительными целями. Рерих путешествовал по азиатским горам третий год, за это время Луис исхитрился утроить прибыль компаний, вкладывающих средства в странный проект, и поэтому ему было важно, чтобы экспедиция двигалась. В поисках Шамбалы, мировой гармонии, натуры для этюдов Рериха или чего-то еще – не имеет значения. «Движение – жизнь», – говорили древние. «Движение – прибыль», – с той же убежденностью заявлял Хорш. А вот уже прибыль – это жизнь, и чем больше прибыль, тем жизнь прекрасней.

Видимо, фанатичной верой в универсальность формулы «движение – прибыль» объяснялось и то, что Луис шел в авангарде экспедиции. Нравилась ему затея или нет, верил он умозаключениям Рериха насчет ворот в неведомый мир на склонах Белухи или не верил – не важно. Хорш взялся за дело и собирался довести его до конца. Собирался выжать из экспедиции максимум.

В пути Хорш старался держаться поближе к Рериху и, естественно, последовал за ним, когда Николай заспешил, торопясь первым оказаться в долине, и Луис вошел в нее вторым.

А третьим стал проводник Яков Бортников, неофициальный представитель ОГПУ, сопровождающий экспедицию от самого Ново-Сибирска. Как правило, Яков ехал на гнедом жеребце далеко впереди, словно стараясь подчеркнуть, что просто выполняет порученную правительством работу и не считает себя членом буржуазной команды. Он не скрывал своих убеждений, как не скрывал и принадлежность к ГПУ, но и не подчеркивал ни то, ни другое. Любимый «маузер» прятал под засаленным ватным чапаном, сменившим затертую кожанку, да и на мохнатой шапке у него не было красной ленты или звезды, как этого ожидали американцы, которых в экспедиции было аж трое. К тому же, благодаря азиатским скулам, Якова частенько принимали за местного жителя, абсолютно равнодушного к революционным идеям, и спутники не воспринимали его в качестве надзирателя.

По карнизу Яков шел первым, но потом уступил нетерпеливому Рериху, вошел в долину после него и Луиса и тут же остановился, увидев, что спутники преградили дорогу.

– Что случилось?

– Да! – Николай, который замер, любуясь открывшимся видом, дернул Хорша за рукав. – Луис, что вы увидели?

И только сейчас Яков понял, что путь ему перекрыл американец.

– Луис, что там? – И машинально сунул правую руку за пазуху.

– А? – Хорш обернулся и как-то странно посмотрел на Рериха: будто сквозь него.

– Что там?

– Извините, босс. – У Хорша нервно дернулся глаз. – Что-то на меня нашло. Оцепенел, как мышь перед удавом.

– Перед каким удавом? – удивился Рерих. – Что вы несете, Луис?

А в следующий миг удивленно крикнул, увидев того самого «удава».

Образно выражаясь.

Впереди и чуть правее сидел на большом камне еще не старый, но морщинистый азиат в изношенных донельзя одеяниях тибетского ламы и внимательно разглядывал путников. Сразу всех. Как такое может быть, Рерих не понимал, но готов был поклясться, что лама не просто смотрит, а именно разглядывает, и не каждого в отдельности, а всех троих одновременно.

Щелочки глаз ламы на миг превратились в тончайшие линии – он смежил веки, – затем чуть приоткрылись, и слегка неприятное ощущение «общего взгляда» исчезло. Теперь лама смотрел, как самый обычный человек. Более того, глазенки у него забегали, словно у пройдохи, лихорадочно обдумывающего способ «развести» доверчивых путников, не задерживаясь на ком-то конкретно.

– Приветствую, уважаемый, – Рерих сложил ладони в буддийском приветствии. – Вы понимаете меня?

– Понимаю. – Лама ответил тем же приветствием и чуть склонил голову. – Я понимаю всех братьев, разделяющих учение Будды. Мое имя Мингюр Церинг.

Азиат говорил по-русски значительно лучше, например, Луиса. Рериха это немного удивило, но в большей степени порадовало. А вот Яков насторожился.

– Мое имя – Николай Рерих. Мы с товарищами идем к самой высокой горе, к Белухе.

– Ты – художник, – вдруг заявил лама и вновь коротко кивнул – для себя. – Это хорошо: ты умеешь видеть скрытое от прочих глаз.

– Возможно... – начал было Рерих, однако лама продолжил, не обращая внимания на попытку вклиниться в его высказывание.

– Но даже у тебя не получится все задуманное.

– Интересно, – проронил Луис негромко, чтобы слышал только Рерих. – Этот лама – прелюбопытнейший тип. Не пойму только, что он здесь забыл? Одет, как тибетский монах... но если так, он далековато забрел. Заблудился?

– Цель моего странствия близко, – будто бы отвечая на шепот Луиса, сообщил лама Церинг. Смотрел при этом он исключительно на Рериха. – Цель твоего путешествия тоже близко, но ты ее не достигнешь.

– Вы знаете, куда и зачем мы идем? – недоверчиво и даже с оттенком неприязни спросил Яков Бортников и сделал полшага вперед, словно выбирая дистанцию для броска или сабельного удара.

Лама оставил телодвижения чекиста без внимания, всем своим видом показывая, что не видит в нем угрозы и вообще не боится никого из путников, ни по одиночке, ни всех сразу.

– Ты сам сказал, что идешь к высокой горе. – Мингюр Церинг стрельнул взглядом в Рериха.

– И почему же мы не сумеем ее увидеть? – вмешался в разговор Луис. – Еще три дня пути, и мы окажемся на перевале. С него, как говорят, на Белуху отличный вид.

– Вы увидите гору. – Лама кивнул в третий раз, теперь – для всех. – Но ваша цель не Белуха.

Церинг не спрашивал, он утверждал. Да с такой уверенностью, словно доносил до аудитории непреложную истину, например, что Земля вращается вокруг Солнца. Или что дважды два – четыре. При этом лама прекратил играть взглядом в пятнашки и сосредоточился на Рерихе.

– Наша цель... да... нет... не сама гора. – Николай Константинович потеревил бородку, явно сомневаясь, стоит ли откровенничать с первым встречным, пусть даже и ламой. – Мы

не собираемся совершать восхождение, в этом вы правы, любезнейший Церинг. Я намерен сделать несколько эскизов и... возможно, исследовать местность.

– Ты хотел увидеть Белуху, но не здесь.

– Что значит «не здесь»? – вскинулся Хорш.

А вот Рерих промолчал. И по глазам было видно, что Николай начинает понимать...

– Ты не увидишь ее, как не видишь далекие звезды.

– Откуда вы знаете о цели нашей экспедиции? – резко спросил Рерих.

И что-то в его голосе заставило Якова взвести курок. Однако пистолет он пока оставил под одеждой.

– Ворота в Шамбалу рядом. – Лама улыбнулся.

– Где? – встрял нетерпеливый Хорш. – Вы проводите нас? Сколько это будет стоить?

Церинг неодобрительно взглянул на Хорша, вновь смежил веки, но на миг, и вернул взгляд на Рериха.

– Чинтамани, – негромко, чуть протяжно и с уважительными интонациями, словно это имя божества, произнес лама. – Нужен драгоценный камень, исполняющий желания.

– Я слышал! – Луис заметно воодушевился. – Или где-то читал, не помню... Это такой крупный рубин. Верно?

– Не рубин, а драгоценный камень, – спокойно поправил американца Церинг. – Его ни с чем не сравнить.

– И что, любые желания исполняет? – поинтересовался Яков.

– Хочешь устроить мировую революцию? – не удержался от язвительного замечания Хорш.

– Чинтамани исполняет только истинные желания, – вместо ламы ответил Рерих. – Но я не подозревал, что он может стать ключом к вратам.

– В этом его главное предназначение, – улыбнулся лама. – Все остальное – блохи на шерсти пса.

– Исполнение любого желания – подобно блохе? – изумился Луис.

– По сравнению с истинной силой Чинтамани – да.

– Что может быть сильнее?

– Заткнись, – прошипел Яков.

Но Хорш уже и сам понял, что перегибает палку, и вернулся к теме:

– Камень откроет путь в Шамбалу?

– Откроет врата? – уточнил Рерих.

– Врат нет, – покачал головой Церинг. – Врата – это место, откуда Чинтамани позволит увидеть Шамбалу и пройти к ней.

– А без камня мы не сможем увидеть благословенную страну?

– Лично ты и с камнем ее не увидишь, – усмехнулся лама, глядя американцу в глаза.

– Почему?

Однако ответил Церинг не обиженному Луису, а Рериху:

– Ты смотришь на мир не так, как все. Ты – увидишь.

– И смогу пройти? – замороженно спросил Николай Константинович.

– Все возможно.

– Минуту назад вы утверждали, что мы не достигнем цели, – напомнил Хорш.

– Минуту назад мир был другим, – изрек Церинг. – У вас была лишь вера, но не было проводника.

– А теперь у нас есть проводник? Вы предлагаете свои услуги?

– Нам по пути.

– Сколько это будет стоить?

– Нам по пути, – повторил лама.

– У всего есть цена, – изложил свой принцип Луис. – Если не деньги, значит, нужна ответная услуга. Я угадал?

– Я просто пойду с вами, – медленно произнес лама, глядя Рериху в глаза. – Такова моя цена.

– То есть вы тоже не способны увидеть Шамбалу? – понял Хорш.

– Я не художник, – пожал плечами Церинг. И вопросительно посмотрел на Рериха.

– Но у нас нет камня. – Николай Константинович развел руками. – И я совершенно не представляю, где его искать.

– А я, кажется, представляю, – пробормотал Яков. После чего быстро шагнул к ламе и резко рванул его за ворот.

Сопrotивляться ему Церинг не стал, остался безучастен к грубому обращению, снова закрыл глаза и проронил на выдохе короткое слово, которое не разобрал никто из присутствующих. И продолжил молчать даже тогда, когда Бортников запустил руку под его одежду и выудил небольшой кулон на длинной медной цепочке:

– Это он?

Лама промолчал.

– Позвольте?

Подошедший Луис вперился взглядом в украшение, пристально изучая простую круглую оправу, которая удерживала дюжиной цепких лапок розоватый, затейливо ограненный кристалл.

Если это действительно был Чинтамани, то выглядел он жалко – дешевой стеклянной безделушкой.

– Бижутерия, – презрительно бросил американец.

– Думаю, это оксид кремния, так называемый горный хрусталь, – медленно произнес Яков. – Возможно, как некая призма этот кристалл будет полезен, но с точки зрения ювелира... а я когда-то учился на ювелира... его ценность близка к нулю.

– Ты понимаешь, что мы с тобой – единственные, кто действительно ищет Шамбалу? – тихо спросил Церинг, буравя Рериха взглядом. – О каком достижении можно говорить, если они не понимают даже смысла услышанного?

– Ты говоришь обо мне? – ощерился Бортников.

– Оставьте ламу в покое, – довольно жестко произнес Николай Константинович, и Яков, поколебавшись, отступил, наградив азиата враждебным взглядом.

– Можно отдать ему одну из вьючных лошадей, – сказал Хорш, возвращаясь к обязанностям администратора. – Я распоряжусь.

– Дальше я пойду пешком, – перебил его Церинг. – И он тоже.

Рерих поколебался, но кивнул:

– Этот путь каждый должен проделать самостоятельно.

* * *

Новосибирск, наши дни.

Одиночество бывает разным: относительным и абсолютным, добровольным и вынужденным, тяжким и благодатным. И какое оно, больше зависит от человека, чем от обстоятельств. Ведь люди – разные, и некоторые даже видят в одиночестве высшую благодать... Но только – некоторые.

После смерти прадеда Якова Максим Воронов остался совершенно один. Дед с бабушкой умерли давно, ему еще и трех не исполнилось, родители погибли в автокатастрофе семь лет назад, а сестер и братьев у Макса никогда не было, даже двоюродных. Последней родней оставался прадед – крепчайший старикан с ясным умом и твердой памятью, переживший всю

семью и собравшийся, похоже, пережить даже правнука. Во всяком случае, Максим не удивился бы.

Но не случилось.

Пару месяцев назад прадед начал заметно сдавать, на удивление быстро одряхлел – чуть ли не в день, ослабел, потерял речь, ясность ума, оказался в больнице и той же ночью умер. Тихо, спокойно – во сне, – но не успев попрощаться с единственным родственником.

Воля судьбы?

Или ее ирония?

Как бы там ни было, Воронов остался один, и винить в этом должен был только себя. Никто ведь не мешал двадцатипятилетнему симпатичному брюнету, неглупому и рукастому, остепениться и создать семью. Только сквозняк в голове и ничто более, поскольку Макс не был погружен в какое-то интересное дело, не мотался по командировкам, не служил в глухой тайге и не занимался профессиональным спортом. Ничего такого, что могло серьезно съедать время, у Воронова в жизни не было. Трудился он инженером на небольшом производстве, с девяти до пяти, без сверхурочных и «черных» суббот. Зарабатывал неплохо, на круг знакомых не жаловался, но серьезных отношений не завел, не чувствовал в себе готовности окончательно повзрослеть, что нравилось девушкам легкомысленным, но отталкивало потенциальных хранительниц домашнего очага.

До недавнего времени Воронова это обстоятельство устраивало, но после смерти последнего родственника он вдруг остро почувствовал наступившее одиночество и пожалел, что рядом никого нет...

И ведь нельзя сказать, что Максим был очень близок с прадедом. Да, он помнил его внимательный взгляд ровно столько, сколько помнил себя, всегда обращался, если требовалось что-то прояснить, поскольку никто из домашних не умел так толково, буквально на пальцах, объяснять даже самые сложные вещи, но всегда, с самого детства, Воронов чувствовал между собой и Яковом незримую стену.

Она не препятствовала общению, но не позволяла подойти друг к другу слишком близко. И даже оставшись вдвоем, они продолжали сохранять дистанцию: не съехались, хотя могли, а продолжили жить каждый сам по себе, пусть рядом, в соседних домах, но по отдельности: прадед – в своей огромной пятикомнатной квартире, полученной еще при Сталине; Воронов – в родительской трешке.

Виделись каждый день, конечно, болтали, порой проводили вместе вечера за алтайским чаем...

И вдруг все оборвалось.

Больница, морг, похороны...

Суета.

Которая закончилась одиночеством.

Какое-то время Максим жил, как прежде, словно ничего не случилось, занимался привычными делами, к которым, правда, добавились кое-какие хлопоты в присутственных местах, но почему они добавились, молодой человек старался не думать. Так прошла неделя.

Или чуть больше – не важно.

А важно то, что однажды ночью на Воронова «накатило». Ухватила за сердце звенящая тоска так, словно сам прадед явился выпороть нерадивого потомка, и не отпускала до утра. И на следующий день, который, к счастью, оказался субботой, Максим отправился в квартиру Якова.

В его логово, некогда всегда полное людей, а сейчас опустевшее и притихшее, подобно пещере...

«В которой наверняка есть сокровища...» – хмыкнул Воронов, открывая дверь.

Он не нуждался в деньгах и до сих пор не прикасался к счетам, на управление которыми прадед предусмотрительно выписал ему доверенность. Поэтому в его мыслях не было ничего меркантильного: молодой человек думал именно о сокровищах, о тайнах, которые Яков, прошедший и Гражданскую, и Великую Отечественную, вполне возможно скрывал.

Думал о приключениях, которых так мало в жизни инженера.

Яков обожал рассказывать правнуку байки, коих знал превеликое множество: про войны, в которых участвовал; про эвакуацию в Новосибирск целых заводов и про строительство Оперного театра, ГЭС и Академгородка; а самое интересное – про ведьм и прочую нечисть, обитающую в глухих таежных местах.

– Неужели ты не припас ничего такого, чтобы удивить меня после моей смерти? – улыбнулся молодой человек, входя в квартиру. – Не верю.

Привычно разулся в прихожей, натянув на ноги «свои» тапочки, прошел на кухню, налил в электрический чайник воды и щелкнул клавишей включения, затем взял из шкафчика жестянку, открыл ее и разочарованно выдохнул: на дне оставалась последняя щепотка волшебной смеси тибетского чая с алтайскими травами, которой могло хватить от силы на одну кружку. Дед будто бы рассчитал, когда должны оборваться все его связи с миром.

– Жаль, что я не спрашивал, кто привозит тебе эту смесь...

Пока кипятилась вода, Макс провел ревизию шкафов и холодильника, выбросил все, что уже испортилось или могло испортиться в ближайшее время, потом приготовил чай, но на кухне не остался – с дымящейся кружкой в руке отправился в кабинет, в комнату, в которой дед – об этом молодой человек знал наверняка, – проводил большую часть времени.

Постоял в дверях, словно спрашивая разрешения, прошел внутрь и вновь постоял – у письменного стола, – колеблясь, не зная, стоит ли делать задуманное... Решил, что стоит, и медленно, осторожно, словно опасаясь услышать грозный окрик, опустился в Главное Кресло – то, что занимало место во главе стола. Вздохнул, окончательно уверившись, что грозного окрика не будет, потому что некому кричать, испытал мгновенный прилив грусти, увереннее, почти по-хозяйски, облокотился на спинку и сделал маленький глоток чая, задумчиво глядя на книжные стеллажи.

Библиотека у прадеда была знатная: большая, с тщанием и любовью собиравшаяся на протяжении неимоверно долгой жизни и содержащая множество редких и раритетных книг. Все посетители кабинета говорили прадеду, что такое богатство нужно хранить хотя бы под сигнализацией, но он лишь улыбался да отмахивался, мол, «книги не бриллианты, кто на них покусится?».

А вот Воронов смотрел на мир иначе.

«Надо поставить квартиру на охрану, – подумал он, разглядывая корешки книг. – Сегодня же узнать, как это делается».

После чего поставил кружку на кстатн оказавшийся на столе лист бумаги и выдвинул один из ящиков. Не верхний, а «важный». Тот, в котором хранились документы, объемистая шкапулка с орденами и медалями и любимый прадедовский «Брегет» – массивная золотая «луковица» конца девятнадцатого века.

Яков носил только костюмы-тройки, выходя из дому, в обязательном порядке вкладывал «Брегет» в жилетный карман и выпускал наружу золотую цепочку. Обязательно. При этом часто доставал часы «посмотреть время» и обязательно шурился, как сытый кот, слыша щелчок открывающейся крышки с затейливой гравировкой. Прадед нахально носил «буржуазный» «Брегет» и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневe, и при Андропове... в общем, до самой своей смерти носил, а на все удивленные вопросы отвечал коротко: «Я к ним привык». Носил их и на местные партийные конференции, и на столичные, поскольку был делегатом едва ли не всех съездов и прочих политических мероприятий, и ни разу у него не возникало никаких проблем.

И этот нюанс вызывал у Максима жгучий интерес. Который он так и не сумел удовлетворить при жизни прадеда.

– Интересно, что бы ты сказал, если бы я изъявил желание носить твой «Брегет»?

Фразу Воронов произнес шутя, просто «прикалываясь» во время осмотра выдвинутого ящика, но произнеся – на несколько секунд задумался, сообразив, что в принципе не против пойти по стопам прадеда.

Светлый костюм-тройка, ладно сидящий по фигуре, белая сорочка, галстук, завязанный небрежным узлом, блестящие туфли, а на животе – неброская золотая цепочка...

«Черт, а ведь это действительно красиво!»

Макс усмехнулся, вытащил еще одну шкатулку – в ней, отдельно от всех, хранилась звезда Героя Социалистического Труда, – нащупал лежащие в дальнем углу часы, вытащил их и...

И не сдержал удивленного восклицания:

– Что за на фиг?!

Это без всяких сомнений была знаменитая реликвия Якова: форма, размер, крупная заводная головка, все совпадало. Вот только извлеченный из ящика «Брегет» оказался не золотым, а серым, как будто из стали или давно не чищенного серебра! А на крышке отсутствовала гравировка, которую Максим помнил с детства! Сохранилась только надпись: «Breguet. Depuis 1775», и все! Остальная поверхность была гладкой, как швейцарская коленка.

У Макса спутались мысли. Подмена? Глупость! Не может этого быть. Но что за чертовщина? Почему раньше часы были золотыми, а теперь вдруг стали железными? Что приключилось? И куда подевалась гравировка?

Воронов повертел «Брегет» так и этак, аккуратно открыл, осторожно закрыл, покрутил заводную головку, а потом... вдруг на миг замер и, повинувшись непонятному порыву, откинул крышку с громким щелчком. Пижонски так щелкнул, с шиком, как это делал прадед.

И ошеломленно вытаращился на часы, корпус которых чуть пожелтел. До золотого отлива ему еще было далеко, но и назвать его уныло-серым язык не поворачивался.

«Интересно...»

Вокруг сохранившейся надписи появился едва заметный контур, нечто вроде неглубокой царапины, старательно повторяющей изгибы букв, но в миллиметре от них – это Макс обнаружил, когда перевернул часы и осмотрел их, не закрывая крышки.

«Что происходит?»

А самое главное – окружающий мир неожиданно обрел новые краски, словно включился режим улучшенной цветопередачи. А заодно яркости, контраста и насыщенности.

«Вот это анекдот!»

Макс захлопнул крышку, и окружающий мир потускнел и приуныл. А еще из него непонятным образом исчезли кое-какие детали, которые молодой человек успел разглядеть, пребывая в «режиме улучшенной цветопередачи».

«Яков, да что же это такое, а?»

Воронов снова щелкнул крышкой часов, осторожно положил их на стол и огляделся, подмечая то, чего не было в «реальности»...

С другой стороны, а что на самом деле реально?

Когда он там, где настоящее?

Ответа у Максима не было, и он занялся тем, что видел. Точнее – что увидел.

Рядом с настольной лампой появилась вырезанная из кости статуэтка всадника. Причем – совершенно неожиданно для прагматичного прадеда, – статуэтка фантастическая: конь был обыкновенным, а вот у наездника имелась дополнительная пара рук.

В угловом шкафу, рядом с которым располагался небольшой рабочий столик, вместо книг обнаружилось невероятное количество всевозможных склянок и мензурок, коробочек, футляров и мешочков: кожаных и тканых.

А висящий над креслом портрет Ленина чудесным образом обратился в дверцу старого, но внушительного сейфа.

– Я сплю? Или прадед подмешал в чай веселящую травку?

Критичный ум современного и вполне рационального, даже циничного молодого человека категорически отвергал абсурдную мысль о том, что все происходящее есть результат либо фантастических технологий, либо еще более фантастической магии, но она возвращалась с навязчивостью упрямого насекомого и жужжала: «А как ж-ж-же еще объяснить метаморфозы? Как? Как? Как?»

Максим допил чай – если в нем действительно есть галлюциноген, то лучше закончить прием как можно раньше, – поднялся, медленно прошелся по комнате и посмотрел на коробочки и мешочки. Почти все оказались подписаны, однако надписи на бирках молодого человека не порадовали:

«Толченая кость дебелого ящера». Не менее 98 %.

«Разрыв-травя». Не допускать попадания в воду.

«Глаза утопленника». Азиатск. расы.

«Глаза утопленника». Европейец.

«Пепел сколопендры». Обращаться только в перчатках.

По всему выходило, что пахнет в кабинете прадеда не инопланетными сверхтехнологиями, а древним колдовством. Или современным, но от того не делающимся менее волшебным.

– Ты действительно хранил тайну, Яков, да еще какую! – Открывать шкаф Макс благо-разумно не стал – мало ли что? Вместо этого вернулся к столу и устался на дверцу сейфа. – Пожалуй, ответы на мои вопросы ты хранил здесь...

Постоял, словно надеясь, что железная преграда исчезнет сама собой, зачем-то постучал по дверце костяшками пальцев, а затем – догадавшись, – взял со стола «Брегет» и, не закрывая, приложил его к металлу сейфа.

И присвистнул, увидев, как на глазах растаяло закрывавшее циферблат стекло.

«Надо крутить стрелки...»

Но в какую сторону? И как долго?

К счастью, издеваться над потомком Яков не стал: едва большая и маленькая стрелки сошлись на полуночи, внутри сейфа щелкнуло, Максим отодвинул «Брегет», осторожно повернул ручку, и тяжелая дверца открылась.

– Не сложнее, чем кроссворд решить, – довольно протянул молодой человек, заглядывая внутрь.

И вновь присвистнул.

Толстые стенки скрадывали значительную часть внутреннего пространства, поэтому объем сейфа оказался небольшим, сравнимым со стандартной микроволновкой, но вот его содержимое назвать стандартным язык не поворачивался.

Во-первых, здесь лежал пистолет – настоящий «Маузер К-96» в классической деревянной кобуре. Как тут же убедился Воронов – чистенький, ухоженный и готовый к бою.

– Ну, Яков, ты не перестаешь меня удивлять!

Рядом с «маузером» лежала коробка патронов, которую Макс немедленно вернул на место, толстенная, страниц на семьсот, рукописная тетрадь и свернутая в трубочку карта. Как выяснилось через минуту – весьма подробная карта Новосибирска, напечатанная в год рождения Максима. На карту Яков нанес множество непонятных отметок с цифрами вместо подписей, а с обратной стороны по углам и в центре листа были тушью изображены странные закорючки – иероглифы или руны.

– Неужели ты рассовал по городу древние сокровища?

Воронов отложил карту, наугад раскрыл тетрадь – ближе к концу, узнал твердый почерк прадеда и пробежал глазами по строчкам...

Закрыв тетрадь, вздохнул и понял, что не уйдет, пока не прочитает все.

* * *

Разнотравье бескрайних полей, прохлада перелесков, рябь волнующихся озер, плеск полноводных равнинных рек, вязкая грязь кочковатых болот и угрюмая, суровая, но щедрая зелень подступающей с севера тайги... А еще – сотни, тысячи километров железных путей, асфальтовых дорог, пыльных дорожек и тропинок, ведущих от поселения к поселению, от маленьких деревень к городкам.

И все – живое.

Бурлящее.

Переполненное энергией.

Той энергией, что понятна людям. Той, что известна нелюдям. И тем крохам, которых даже древние расы считают легендой. Или не заслуживающей внимания ерундой. Мелочью, неспособной дать серьезные результаты.

Но он сумел обратить их себе на пользу.

Аккуратно собирал крупички, понимая, что от каждой зависит его жизнь. Обдуманно тратил, стараясь обходиться без энергии там, где это возможно, и копил с маниакальным упорством шаса. Копил и собирал, планируя возвращение.

На создание необходимого запаса ушли десятилетия, но он знал, что его враги сильны, и не собирался рисковать: он готовился к бою, а не к поражению, и потому заявил о своем возвращении только тогда, когда счел возможным. И заявил так, как счел правильным: не шумными фанфарами, а тонким, как нить, потоком магической энергии, который осторожно, предельно незаметно пронзил пространство, изогнулся и неожиданно быстро прошелся сканером по центру большого города.

Прошелся и моментально исчез, оставив после себя лишь слабое, едва ощутимое повышение уровня магического фона.

Некоторое время он выжидал, проверяя, не вызовет ли его появление ответ? Убедился, что врагов поблизости нет, осмелел, сплел из нескольких магических нитей подобие цветка и закрутил карусель поиска, постепенно увеличивая ее диаметр.

На этот раз он искал не врагов, нет, а Хранителя и Сокровище, но снова ничего не нашел.

«Что произошло?»

Уйти из области, которую ощупывал магический «цветок», Хранитель не мог, точнее, мог, но ненадолго, а вот унести Сокровище не мог даже на мгновение – таким было заклинание, разрушить которое не смогли бы даже маги Великих Домов. Впрочем... Сокровище можно было замаскировать. А Хранитель...

«Хранитель мог умереть, – пришла ему в голову простая мысль. – Я отсутствовал достаточно долго, дольше, чем живут люди, даже колдуны...»

Замкнутое пространство вокруг неожиданно сделалось тесным, и на краткий миг он ощутил себя в ловушке. Осознал свое немислимое одиночество и жуткую, давящую прессом ответственность. Растерялся...

На миг.

Но сумел взять себя в руки, избавившись от черного морока паники.

«Хранитель мог умереть, но не мог унести Сокровище. Оно здесь, и я сумею его найти. И забрать. Просто понадобится чуть больше времени...»

К счастью, он был весьма предусмотрителен, и начал возвращение, располагая солидным запасом магической энергии. Он знал, что жизнь способна преподнести множество разных, далеко не всегда приятных сюрпризов, и был к ним готов.

«Я все равно добьюсь своей цели...»

Один из лепестков магического «цветка» вдруг замерцал зеленым, показывая, что обнаружил нечто интересное и, возможно, имеющее отношение к Хранителю. Связь находки с покинувшим реальный мир субъектом была очень слабой, но очевидно, была, и потому он тут же добавил лепестку энергии, проводя полноценное сканирование находки... Коей оказался человек. Рослый, мускулистый, абсолютно лишенный волос человек. Он стоял прямо, но не навывтяжку. Его основные группы мышц пребывали в покое, а работали только те, что отвечали за сохранение вертикального положения. Глаза закрыты, температура тела чуть превышает температуру окружающего воздуха, дыхание и сердцебиение едва различимы.

Возраст...

«Голем! – догадался он и укорил себя за то, что не сразу распознал человекоподобную куклу. – Голем, сделанный Хранителем. Но с какой целью?»

Он немного расширил зону своего магического присутствия и «увидел», что в скрытом от посторонних глаз помещении находятся две дюжины отключенных, но абсолютно целых и здоровых... точнее – исправных... боевых големов. Обнаженных, но возле каждого стояла пара хромовых сапог, а рядом лежали перетянутые бечевкой бумажные свертки. Скорее всего, с одеждой и амуницией.

Маркировка мастера на куклах отсутствовала, а значит, партия была изготовлена нелегально.

«Интересно...»

Впрочем, ничего другого от этого Хранителя он не ожидал.

«Не знаю, с какой целью, приятель, ты создал этот тайник, но меня ты крепко выручил...»

Потому что помимо сапог и свертка каждому голему полагалось по два артефакта и большая «батарея» с магической энергией, а значит, можно временно перестать тратить свою, драгоценную, и провести дальнейшую разведку с помощью высококлассных боевых кукол.

«А я, получается, стану Кукловодом...»

Семь минут он потратил на то, чтобы разобраться с системой управления данной модели големов, еще две – на активизацию командира подразделения, включая подзарядку из «батареи», после чего заставил куклу присесть и развернуть свертки. В нем оказалась защитного цвета гимнастерка, темно-синие шаровары, фуражка с васильковой тульей и краповым околышем, нижнее белье, портянки, португепя, пистолет в кобуре и коробка с патронами.

Судя по всему, големы должны были изображать военных, но Кукловод успел заметить, что куклы старые, их произвели несколько десятилетий назад, и не был уверен, что форма и документы до сих пор актуальны.

«Но проверить это можно только опытным путем...»

Затем он приказал голему одеться – тот исполнил распоряжение с армейской четкостью, – и принялся изучать окрестности тайника, пытаясь отыскать выход на поверхность.

* * *

Если вам скажут, что любимое дело не может утомить – не верьте. Утомить может что угодно, даже отдых, а уж если любимое дело мало чем отличается от вышеупомянутого отдыха, то и вовсе пиши, что пропало. Хотя казалось бы: грех жаловаться на жизнь, больше похожую на затянувшийся праздник, гневить, как говорится, Бога за то, что маршрут твоей повседневности проложен через апартаменты, клуб, казино, рестораны и лучшие пляжи мира. Ну, еще через яхты и дорогие автомобили.

Казалось бы, как это может надоест?

А вот на тебе...

Известный всему Тайному Городу Пифуций – совладелец ночного клуба «Полный Пи» и бара «3.14, Карл!», считался концом правильным и потому, можно сказать, скучным. Заведения свои он сделал модными и, соответственно, – прибыльными; список любовных побед довел до обычного для концов двухтомника – четыреста страниц мелким шрифтом в каждом, – а драгоценностей имел восемь сейфов с магической охраной, и это не считая предназначенных для подарков.

Жизнь текла красивым потоком, улыбалась изо всех зеркал, радовала при каждом удобном случае, и потому Пифуций сам изумился, осознав, как сильно ему все надоело.

А главное – надоело без причины. Просто так.

Словно время пришло – и включилась зеленая тоска.

То ли заразился от челов кризисом среднего возраста, то ли влюбился. Хотя... Будь Пифуций не концом, а кем-нибудь другим, в последнем предположении имелся бы определенный смысл, ибо пассией Пифуция сейчас являлась настоящая ведьма: фата Роксана, молодая, горячая, амбициозная, а главное – ослепительно красивая люда из знатной семьи.

Ну, как пассией...

Известная легкомысленность концов и их знаменитая, но никому не известная семейная тайна делали их неотразимыми для представительниц прекрасного пола любой расы. Противиться их обаянию могли лишь глубоко больные женщины, и потому свои интрижки концы никогда не воспринимали всерьез. И ночь с белокурой прелестницей не должна была стать для Пифуция чем-то большим, чем ночь с очередной белокурой прелестницей, и не стала, в общем, но прелестница задержалась и на следующую ночь, и на следующую... И даже спустя неделю продолжала навещать любовника, поскольку Пифуций неожиданно обнаружил, что смена лиц ему приелась.

Чем поставил Роксану в сложное положение.

Нет, против интрижки с концом фата ничего не имела, скорее, наоборот, ведь удовольствие она получала в полной мере. Но она хотела именно интрижки, то есть недолгого, необременительного, приятного обеим сторонам приключения, без обязательств и регулярных продолжений. Фата была свободна, однако у нее именно сейчас развивался роман с Дамиром Хамзи, может быть, не очень приятный, зато выгодный – в этом шасы могли дать пару тысяч очков вперед любому обитателю Земли, – и прерывать его Роксана не хотела.

А противиться чарам Пифуция не могла...

И попыталась выйти из положения истинно женским способом.

– Дорогой, нам придется расстаться, – сообщила она, натягивая трусики.

Конец, до того расслабленно лежавший на подушках, приподнялся на локте и одарил временно любимую удивленным взглядом. Говорить же ничего не стал, сочтя, что и так все ясно, и временно любимая должна прочесть ответ на услышанное в его жестах, прочесть правильно и ответить немедленно.

– Мне нужно уехать, – объяснила ведьма, наклоняясь за лифчиком.

– Надолго? – соизволил подать голос Пифуций, ощущая, что у него постепенно поднимается интерес к разговору.

– Всего несколько дней.

– Далеко?

– В Новосибирск.

– Э-э...

– Это в России, – пришла на помощь Роксана, поскольку знала, что география никогда не была коньком концов.

– Э-э...

– В Сибири.

– Э?

– Всего на несколько дней, – отрезала фата, надеясь тоном ответа дать понять любовнику, что решение окончательное и менять его она не станет. Тем более, она наконец разобралась с лифчиком и скрыла от конца обольстительную грудь. – А когда вернусь, разрешу тебе отвезти меня на Сейшелы.

– Новосибирск, – мечтательно повторил Пифуций, вновь падая на подушки. – Сибирь...

– Россия, – закончила Роксана.

– Это страна?

– Да.

– Та, в которой мы сейчас живем, или другая?

Несколько секунд зеленая ведьма пристально смотрела на любовника, пытаясь понять, издевается он над ней или спрашивает всерьез, пришла к выводу, что не издевается, и ответила:

– Да, та страна, в которой мы сейчас живем. – И язвительно уточнила: – У тебя что, нет паспорта?

– Есть, – не стал отрицать конец.

– И?

– Что «и»?

– Ты в него никогда не заглядывал?

– А зачем? – удивился Пифуций. – Разве я полицейский? Или пограничник? – Зевнул. – Все равно там имя неправильное проставлено... И дата рождения тоже...

Спорить с этим Роксана не стала: обитатели Тайного Города жили дольше челов, некоторые – гораздо дольше, и документы им приходилось менять довольно часто. Фата покачала головой, удивляясь неожиданно открывшейся черточке характера конца, и уселась на кровати, озираясь в поисках брюк.

Она сочла тему исчерпанной и сильно удивилась, услышав с подушек мечтательное:

– Новосибирск...

– Готовься к Сейшелам.

– Да ну их, – вяло махнул рукой Пифуций. – Хочу в Сибирь. На Енисей...

– В Новосибирске Обь течет, – машинально поправила «географа» ведьма.

– Туда тоже можно, – не стал сопротивляться конец. – Поехали на Обьтечет.

– Не «Обьтечет», а Обь течет! Река так называется: Обь.

– А город – Новосибирск? – прищурился Пифуций.

– Да.

– Кра-асиво... Когда мы улетаем?

Фата всплеснула руками. Помолчала, прикидывая, не проще ли убить мерзавца, поняла, что не сможет даже шелбан концу отвесить, и со вздохом попыталась использовать главный козырь:

– Я еду с Дамиром.

– Да на здоровье. – Ревность никогда не входила в число добродетелей концов.

– У нас с ним роман.

– Ты говорила.

– Что я ему скажу?! – вскипела Роксана. В отличие от легкомысленных толстяков, шасы относились к отношениям несколько серьезнее. – Как тебя представлю? «Дорогой Дамир, ты не будешь против, если вместе с нами в командировку полетит дизайнер твоих рогов?»

– Не только дизайнер, – уточнил после паузы Пифуций. – Я еще их скульптор.

Фата застонала.

– Но ты можешь ему об этом не говорить.

Фата всхлипнула и немного поплакала, надеясь растопить сердце закусившего удила конца. Безуспешно надеясь, поскольку за свою долгую жизнь Пифуций видел столько слез, что ими можно было без труда наполнить Южно-Китайское море. И даже два.

Он хладнокровно подождал окончания рыданий и как ни в чем не бывало продолжил:

– Давай скажем, что я твой брат?

– Мой кто? – изумилась Роксана.

– Брат, – повторил Пифуций. – С челами такое прокатывает.

– Дамир – шас! Он знает о Тайном Городе и тебя, конца, знает.

– То есть можно ему ничего не говорить?

– Мы не можем ему ничего не говорить, потому что он сразу все поймет!

– Между прочим, шасы не такие уж умные, как ты пытаешься представить, – заметил конец и вызвал второй приступ слез, продолжавшийся не менее пяти минут. Но тоже ни к чему не приведший.

Пифуций стоял на своем.

С трудом дотерпев до окончания рыданий, конец отобрал у подруги и трусики, и лифчик, и принялся жарко убеждать в своей правоте. Меньше, чем через два часа утомленная фата со вздохом согласилась, что спутник из Пифуция получится замечательный, а Дамир ничего не заподозрит.

– Мне нужно побывать там, где я никогда не был и никогда больше не буду, – объяснил конец, ласково обнимая смирившуюся с происходящим Роксану. – Я должен побывать в чудесном Новосибирске или сойду с ума...

Глава 2

1926 год, Алтай, Чуйский тракт, 756 верста.

Крестьянский труд тяжел не объемами работы, не отупляющим однообразием, а сезонностью. Всю весну и лето ты занят, работаешь не покладая рук, осенью собираешь урожай, готовишь его к сохранению и приумножению, сушишь или маринуешь то, что было собрано или подстрелено на горных склонах и в лесах. А когда выпадает снег... ты валяешься на печи и дуреешь от безделья.

Снег покрывает и мир, и тебя...

Выручают торговля, охота и «подряды» на устранение неугодных, которые четырехрукые хваны, с истинно крестьянской основательностью, исполняли за пределами Алтая. Как по заказу жителей Тайного Города, так и для сторонних челов, способных оплатить дорогостоящие услуги высококлассных убийц. Охоту же хваны, которым даже медведи уступали дорогу, воспринимали как рутину, лишнего не били, в первую очередь выбирая слабых и больных животных. Но при этом зорко следили за «своими» землями, не позволяя челам на них куражиться. Что же касается торговли, то мужчины ею не занимались вовсе, а женщины предпочитали перепоручать коммерцию ушлым шасам, которые периодически навевались в алтайское селение четырехруких за шкурами и прочим товаром. А главное сокровище хванов – легендарный Золотой корень, который они выращивали для Тайного Города, – до унции забирала Великие Дома и платили за него с королевской щедростью.

Вот и получалось, что от скуки хвана могли спасти только «подряды». А если их нет? А если возраст еще таков, что серьезные заказчики предпочитают обращаться к другим специалистам, проверенным? Тогда оставалось наработать репутацию в тех редких случаях, когда старшие соглашались брать на «подряды» учеников, а руки набивать в нечастых, и только с дозволения старших, шалостях на Чуйском тракте.

– Караван прошел?

– Давно уже.

– Сколько?

Дарг посмотрел на конский навоз, прищурился и выдал:

– Полчаса.

– Успеем! – приободрился Терс.

– Нет...

– Если бегом, успеем.

Но Дарг уже принял решение и подчеркнуто остался на месте, когда его нетерпеливый друг побежал по дороге.

Терс остановился и недовольно обернулся:

– Ну?

– Мы его догоним точно у постоялого двора.

– Ну?

– Что «ну»?! – окрысился Дарг. – Будто сам не знаешь, что дядя Вахр запрещает шалить рядом с заведением.

– Ну?

Дарг прищурился.

– Ты проспал, – негромко произнес Терс.

– И что?

– Лентяй.

– Возьмем их завтра, после ночевки...

Вместо ответа Терс засветил другу ногой в голову, и не отпрыгни Дарг назад, валяться бы ему в пыли оглушенным. Терс хоть и был на целых пять лет младше двадцатитрехлетнего друга, но нравом отличался вспыльчивым, и силушкой его Спящий не обидел, поэтому бой затянулся на целых десять минут.

Затем друзья отряхнули одежду от пыли и неспешно потащились вслед за караваном, на ходу обсуждая, стоит ли наловить рыбы и сварить уху, благо до утра все равно делать нечего, или же потратиться на ужин у дяди Вахра? Решили потратиться, потому что в противном случае строгий хозяин постоянного двора мог не разрешить остаться на ночь.

Вахр, для челов – Вахромей Атаманов, – по причине возраста и полученного в боях с людьми ранения отошел и от «подрядов», и от тяжелого крестьянского труда в родной общине и основал весьма прибыльное заведение на тракте. Чистые комнаты, отличная еда – жена Вахра была превосходной стряпухой, – баня для желающих, настойки собственного изготовления... Постоялый двор славился, и многие купцы специально подгадывали путешествие так, чтобы оказаться в гостях у Вахра.

И уезжали с твердым обещанием вернуться.

Однако на этот раз, как выяснили Терс и Дарг, едва пройдя через ворота, на постоялый двор пожаловали не торговцы.

– Экспедиция то, – сообщил приятелям Тыц, один из старших сыновей Вахра, но какой именно, неизвестно, поскольку старик и сам иногда в них путался. – Батя сказал, что челы, но опасные. Лучше их не потрошить.

Тыцу выпало поить лошадей, и, рассказывая неудачливым грабителям новости, он неспешно качал ручным насосом воду из колодца: затем она по трубам попадала в поилку.

– Не потрошить, потому что нищие? – решил уточнить Терс.

– И потому тоже, – кивнул Тыц. Тут же замолчал, подробнее обдумывая вопрос приятеля, и через несколько секунд покачал головой: – Хотя у них наверняка есть припасы... Снаряжение... Лошади, опять же...

И юные хваны, не стовариваясь, взглянули на пьющих зверей. Те подняли головы и с опаской посмотрели на юных хванов.

– Неплохие, – одобрил Дарг.

– Крепкие, – подтвердил Тыц. – Я проверил.

– А деньги у этих экспедициев есть? – осведомился Терс.

– Наверное.

Предположение понравилось, и друзья вновь умолкли.

– Отец сказал, что челов этих лучше не трогать, – повторил Тыц.

– Почему?

– Не сказал.

– Так нельзя, – помрачнел Дарг. – Мы со старшими договорились, они разрешили нам этот караван взять.

– Это экспедиция.

– Да, ты говорил: у них денег меньше и товар другой.

– Да.

– И что?

– Надо узнать, почему Вахр велел их не трогать, – выдал Терс.

– Я спрашивал, – кивнул Тыц.

– И что?

– Батя молчит. Сказал, чтобы я не приставал.

– А что за челы?

– Обычные... Только с ними лама.

– Проклятье!

- Настоящий?
- Не знаю. Но раз батя сказал их не трогать, значит...
- Тыщ!

Судя по голосу, кричал кто-то из старших сыновей, а судя по тому, как заторопился парень, – кричавший имел право кричать.

- Увидимся.
- Угу. – Друзья переглянулись. – Что будем делать?
- Ты оставайся здесь, а я пойду, взгляну на челов, – решил Дарг. – Потом обсудим.
- Договорились...

Однако ламы в зале не оказалось – вышел куда-то... Челы – все члены экспедиции – ужинали, без стеснения громко разговаривая, сыновья Вахра разносили еду, а хозяин – огромный, кучерявый, с окладистой бородой, мужик, – замер за стойкой, с приклеенной на лице улыбкой. «Держать» ее для гостей Вахр мог сколь угодно долго, но паренек гостем не считался, и потому на его долю выпал строгий взгляд.

Вопросительный, но при этом – строгий, поскольку старый хван догадывался, для чего на постоянный двор пожаловал «ученик».

- Я покушаю? – едва слышно спросил Дарг.

Вахр прищурился, потом кивнул на стол в углу и так же тихо ответил:

- Только ламе на глаза не попадайся.
- Он настоящий?
- Да. – Вахр помолчал, глядя на юношу, после чего закончил: – Не надо с ними шалить.

Однако договоренность насчет экспедиции была достигнута не с Вахром, а со старшими общины, и указывать Даргу хозяин постоянного двора не мог. Но и ссориться с ним юноша не хотел. Дернул плечом, показывая, что услышал, и прошел к указанному месту, оказавшемуся неподалеку от стола, за которым ужинали руководители экспедиции.

Главных челов Дарг всегда определял без труда, глаз был наметан.

Расположившись за столом, юный хван машинально просканировал зал, убедился, что магов среди челов нет, с благодарностью принял от Тыща миску с густой похлебкой и принялся с жадностью поглощать ее, одновременно направив к столу руководителей магическое «ухо»...

И поперхнулся первой же ложкой, потому что говорили челы о Шамбале.

О Шамбале!

Ни больше, ни меньше!

И рассуждали настолько уверенно, словно имели карту, на которой был подробно расписан путь в загадочную страну, с указанием всех возможных преград и ловушек.

Рассуждали!

Похлебка оказалась замечательной, стряпня тетушки Изны славилась на всю общину и далеко за ее пределами, однако сегодня Дарг не различал вкуса, полностью сосредоточившись на подслушивании.

Челы уверенно рассуждали о Шамбале!

Происходи дело в каком-нибудь городе, Дарг нашел бы объяснение самоуверенности челов в недопонимании городскими чудаками сути такого грандиозного мероприятия, как поход в Шамбалу. Вернее, двух мероприятий: отдельно «поход» и отдельно «в Шамбалу». Для горожан, особенно из дворянских кругов, любой «поход» представлялся пикником в окружении слуг сразу после верховой прогулки. Шамбала же для них – нечто «Ах, какое загадочное!», но лежащее в ста ярдах от большой дороги: сошел с пролетки, прошагал по травке, почти не запачкав туфли, и ты на месте. Но эти трое выглядели опытными путешественниками, особенно один из них, по виду – настоящий алтаец, и при этом рассуждали о пути в неведомое, словно о тропинке, по которой прошли семь тысяч раз.

Что происходит?

А в следующий миг за столиком челов прозвучало слово, которое объяснило Даргу если не все, то многое:

«Чинтамани!»

Один из самых загадочных магических камней Земли!

Реликвия, за которую любой Великий Дом выложит целое состояние.

Ключ от Шамбалы.

Так вот в чем дело... Вот откуда взялась уверенность: челы заполучили Чинтамани! И были настолько глупы, что принялись обсуждать свою удачу за столиком постоянного двора. Лама ушел, а они не сдержались... А значит, им ничего не известно ни о настоящей магии, ни о Тайном Городе.

Им просто повезло прикоснуться к истинному волшебству, но...

«Но долго это сокровище вашим не будет», – пообещал Дарг и принялся торопливо доедать почти остывшую похлебку.

* * *

Новосибирск, наши дни.

– Все болеешь? – недовольно повторил начальник отдела.

– Температура, Артемий Игоревич, – жалобно вздохнул Максим. – Наверное, вирус какой-то подцепил. Сейчас с этим просто.

– Вирус подцепить просто, – не стал спорить начальник. – А вот работу найти сложно. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю. – Воронов шмыгнул носом. – Но я это...

– Сегодня и завтра болей, черт с тобой, но чтобы потом – как штык. Хоть больным, хоть мертвым. Понял?

– Да...

Начотдела отключился, не попрощавшись.

Максим пробубнил ему вслед что-то невнятное, что дипломатично можно было расшифровать как полнейшее согласие, и вернулся к чтению тетради.

К уникальному, удивительному, фантастическому собранию совершенно невозможных и абсолютно достоверных сведений, собственноручно изложенных его предками. Каждое слово из тетради звучало отрывком из фантастического романа, однако история с часами, позволяющими взглянуть на мир «под другим углом», подтверждала, что все написанное – правда.

Именно ради этого чтения Воронов сказался больным, рискуя потерять хорошую работу, и на несколько дней заперся в квартире прадеда, лишь изредка выбираясь в магазин за едой. Изредка проваливаясь в сон – прямо на диване или в кресле, в зависимости от того, где окажется. Изредка умываясь...

Необычная тетрадь полностью захватила молодого человека. Или... Чела? Ведь так, оказывается, называли их нелюди.

– А может, я сплю? Или сошел с ума?

И все вокруг – видения, вызванные больным воображением, причудливые картинки спятившего разума, а в действительности он мирно покоится на койке желтого дома, обколотый успокоительным и дремлющий в ожидании ужина?

– Вряд ли... Не знаю, сумасшедший я или нет, но мне кажется, психи не способны придумать настолько проработанную Вселенную...

Логичную. Детализированную. И с легкостью вписывающуюся в существующую реальность.

Вселенную, в которой магия была такой же обыденностью, как ношпа или аспирин.

– Получается, мы знаем только половину мира?

Получается.

И еще получается, что его прадед был колдуном, и прапрадед, и неизвестное число предков.

«А я?»

Ответа на этот вопрос пока не было. С одной стороны, никаких сверхъестественных способностей Максим в себе не ощущал. Ни до прочтения тетради, ни после. С другой, в записях было четко сказано, что сильных магических линий у челов осталось мало, бывают неявно выраженные, и для полноценной работы требуются искусственные магические помощники, которых прадед называл «артефактами». Сам прадед был обладателем трех таких устройств: Чинтамани – Сокровищем, случайно оказавшимся в его руках, доставшимися от предков часами и «маузером», который сделал сам.

Прадед колдун... Хорошо это или плохо? Или все равно, учитывая обстоятельства?

Максим поймал себя на мысли, что начинает использовать почерпнутые из дневника понятия и пытается взглянуть на мир через призму новых знаний. А ведь он прочитал чуть больше половины, и тетрадь только-только приподняла завесу над самым главным секретом – Тайным Городом.

«...расположен там же, где и явный, что зовется Москвой. Многие дома в нем прикрыты мороком, а как выглядят они в действительности, знают только их жители...»

Узнать, что в столице государства находится еще один, скрытый от глаз, город, жителями которого являются самые настоящие маги, колдуны, оборотни, вампиры и прочие существа, до сих пор проходящие по разряду «выдумка стопроцентная», было довольно... неожиданно. Тем не менее Максим сумел справиться с естественным удивлением, пробормотав: «Я давно подозревал, что здесь что-то не так...» Но продолжать изучение тетради не стал, отложил ее и перевел взгляд на составленную прадедом карту – теперь он понимал почти все сделанные на ней пометки, и это понимание интриговало.

Кроме «перекрестков силы» – так прадед назвал наиболее подходящие для магических ритуалов места, на карту была нанесена сеть подземных тайных ходов, к строительству которых Яков имел прямое отношение по службе. А еще на карте значилось несколько надежно защищенных убежищ, причем одно из них было обведено красным карандашом, подчеркивающим его особенную важность.

«Оно очень надежное или же в нем хранится нечто важное?»

Ответа пока не было, но за ним дело не станет.

Воронов сходил на кухню, заварил еще одну кружку чаю – не волшебного, алтайского, а глупого, из пакетиков, но выбирать не приходилось, – соорудил пару бутербродов и вернулся в удобное и уютнейшее кресло под в меру ярким торшером, в кресло, в котором так замечательно читалось...

«Хочу рассказать, как боролся с внутренним скептиком. Долго боролся, честно признаться. Даже будучи умелым колдуном, нет-нет, а все-таки задавал себе вопрос: как же объясняется магия с точки зрения науки?»

Ответ я нашел, когда наука сделала немислимый скачок вперед и победила. Нет, не магию. Саму себя, только старого образца. Когда математические расчеты, невидимые частицы и неосязаемые энергии сделались убедительными доказательствами. Словом, когда наука подросла и вдруг выяснила, что принципы магии не вступают с ней в противоречие. Ведь магия – это тоже наука, только древняя и на порядок выше по уровню развития, чем наука двадцатого века. А вот современные исследования довольно близко подошли к управлению энергией, полями, а через них и структурой материи, и ходом процессов, реакций и событий.

Значит ли это, что скоро любой чел будет пользоваться магией? Все может быть. Магические по нынешним временам артефакты станут повседневными вещицами, которые смогут купить все, кому не лень. Но все равно останется разделение на тех, кто способен творить

магию, и тех, кто может лишь потреблять ее. То есть общество чело-в так и останется обще-ством потребления. Для большинства из нас все будет таким же, как и сейчас...»

Так вышло, что Максим дочитал рукописную книгу предков ровно в полночь. В одну минуту первого он закрыл тетрадь, крутанул лежащие на журнальном столике часы, улыбнулся, устало потянулся и задумался.

Полученные знания усваивались с трудом. Воронов верил – уже верил, – но пока не мог осознать, что где-то рядом живут не совсем люди. Или просто: нелюди.

Нелюди.

Причем совсем рядом – на Алтае. При желании Воронов мог легко смотаться в указанное прадедом поселение и посмотреть на его обитателей лично. Каких-то пятьсот километров по вполне приличным дорогам, у половины Новосибирска там «дальние дачи»...

Рядом с четырехрукими воинами, которых Яков периодически называл «чудовищами»...

– Вот уж действительно: ситуация...

Любопытство тянуло Макса на Алтай, но он вспомнил отношение прадеда к этим воинам, фигурку всадника на письменном столе – хван выглядел весьма недружелюбно, – и решил начать исследования магических мест с чего-нибудь поближе.

И более безопасного.

Особо отмеченное убежище – обведенное красным, – находилось неподалеку, глубоко под Оперным театром, и казалось настолько привлекательным, что Воронов даже улыбнулся, глядя на эту отметку.

– Решено: иду в театр! И это будет наверняка интереснее, чем «Тангейзер».

* * *

Поздним вечером в маленьком сквере позади Оперного театра не осталось никого: ни молодых мам с колясками, ни млеющих парочек, ни даже собаководов с вездесущими и везде-гадящими питомцами. Лишь изредка появлялись дрейфующие от одного заведения к другому веселые компашки да припозднившиеся прохожие.

И поэтому никто не видел, как в сквере появился голем-разведчик, нареченный Кукло-водом Рудрой.

Какое-то время Кукловод колебался, вычисляя, не станет ли наречение искусственного существа именем собственным недобрым знаком, но, сверившись со звездами, решил, что не станет. Однако всем остальным куклам решил присвоить номера, дабы они сразу понимали, кто из них вожак.

«Я наверху».

«Что ты видишь?»

«Здесь никого нет».

«Очень хорошо».

«Дома. Деревья. Дорожки... – Голем огляделся. – Ночь».

И остановился, по-уставному щелкнув каблуками.

Хранитель не просто изготовил боевых кукол, но снабдил их армейскими замашками, чтобы при необходимости они легко сошли за группу военных. Зачем это понадобилось Хра-нителю, Кукловод не понял, однако ему пришлось облачить голема в то, что было под рукой, сомневаясь при этом, что форма соответствует времени.

«Нужно найти газету».

«Понял. А зачем?»

«Хочу знать, что происходит в мире».

«Понял. А зачем?»

Сначала Кукловод едва не вспылил и не осыпал надоедливое создание потоком несдержанных выражений. А потом вдруг сообразил, что вопрос имел под собой все основания: для чего ему знать, что происходит в мире, если в настоящий момент круг его интересов ограничен одним городом и одной задачей – найти Сокровище? Какое ему дело до того, что находится за пределами цели?

Големы, они ведь ребята простые и сложностей не любят.

«Найди газету».

«Где?»

«Спроси».

«У кого?»

Предложить выйти на улицу и поискать кого-нибудь там Кукловод не успел: в сквере появился прохожий. Им оказался патлатый парень лет тридцати, в цветастой футболке, штанах-карго с карманами на бедрах и в сандалиях на босу ногу. Остановившись в начале дорожки, патлатый воровато огляделся, достал скрученную с двух концов сигаретку, закурил и беспечно побрел по скверу, попыхивая «дурью», что-то бормоча себе под нос и не особенно приглядываясь к происходящему. Поэтому появление Рудры стало для патлатого большой неожиданностью.

– Добрый вечер, – громко произнес голем, выходя под фонарь.

И козырнул, небрежно приложив пару пальцев к козырьку фуражки.

«Откуда это в нем?» – изумился Кукловод.

– До-обрый... – Парень вытаращился на здоровяка-голема, затем затравленно огляделся и сделал шаг назад. – До... до... до...

«Скажи, что ты не причинишь ему вреда».

– Тебе ничего не грозит, – сообщил Рудра.

– Неужели?

Придумать следующую фразу Кукловод не успел и с изумлением услышал импровизацию куклы:

– Честно отвечай на вопросы, и все будет в порядке. Сколько человек состоит в вашей организации?

– Что?

«Что?!»

«Старая программа», – помолчав, предположил Рудра.

«Гм...»

– Мне нужны ответы.

– Это все Рафик! – взвизгнул патлатый.

«Что?!»

– Что?

– Рафик все придумал!

– Фамилия?

– Наскальный.

Несколько секунд голем изучал антропологические показатели патлатого обладателя цветастой майки, после чего уточнил:

– Фамилия Рафика? – И достал из нагрудного кармана гимнастерки маленький блокнот. От изумления Кукловод едва не лишился магических способностей.

– Мамедов. Рафик Мамедов. Это он придумал дурь возить! И деньги он дал! И заправляет всем тоже! А я просто водила...

Патлатый икнул.

«Заканчивай с ним!» – распорядился опомнившийся Кукловод.

Рудра молча расстегнул кобуру.

«Нет!!»

– Нет! – завопил парень, падая на колени. – Я не только водила! Я знаю, где Рафик товар берет и у кого! Я покажу! Я знаю!!!

«Я имел в виду: плюнь и уходи!»

«У меня чистосердечное на руках».

«Плюнь и уходи! Нужно найти газету!»

«У меня чистосердечное на руках. Необходимо зафиксировать признание, добиться личной подписи и срочно приступить к оперативным мероприятиям в отношении гражданина Мамедова и его сообщников».

«Ты чем сейчас занимаешься?»

«Стою на страже социалистической законности».

И Кукловод понял, что некоторые императивы Хранитель вживил в своих големов весьма крепко. Причем настолько крепко, что Кукловод невольно почувствовал уважение к Мастеру.

Застегивать кобуру Рудра не стал. Медленно убрал блокнот в карман, после чего нагнулся, взял патлатого за шкирку, без видимых усилий поставил на ноги и приказал:

– Показывай, где управление.

Спорить или спрашивать, о каком управлении идет речь, несчастный не стал. Кивнул, повернулся и, опустив плечи, потащился к выходу из сквера.

«Я не забыл о газете».

«Я вижу, – вздохнул Кукловод. – Будь добр – поскорее...»

Повторно использовать слово «заканчивай» он не рискнул.

* * *

Было в этом что-то глубоко неправильное...

Ну, может, и не так уж глубоко, но неправильное. Что-то нерукопожатное во всем этом было, но что именно, Дамир пока не понимал.

Внизу, практически под окнами его номера, высокий широкоплечий мужчина в форме офицера НКВД деловито громил газетный киоск.

На ночь стеклянную витрину закрывали металлические ставни, и именно их негодующий скрежет привлек внимание шаса. Причем настолько привлек, что он распахнул окно и высунулся из него.

– Что там происходит? – поинтересовалась Роксана. До сих пор она расслаблялась на кровати с планшетом, но странные движения любовника заставили ведьму проявить интерес.

– Капец свободе слова, – резюмировал Дамир, задумчиво разглядывая происходящее.

– Что ты имеешь в виду, милый?

– Я говорю: капец свободе слова, – повторил шас, но в этот самый момент голему удалось рывком отжать ставни, и высказывание Дамира потонуло в протяжном металлическом скрежете.

– Трамвай перевернулся?

– Почти.

– Сфотографируй и выложи в Сеть.

– Нечего тут фотографировать.

– Неужели?

Роксана подвинула шаса, встала рядом и замерла, удивленная.

– Тебе тоже кажется, что здесь что-то неправильно?

– Я думала, штатным у них был «наган», – негромко произнесла девушка, разглядывая кобуру офицера.

– Нет, «ТТ», – обронил шас. И уточнил: – В молодости я интересовался историей.

– Но почему ты решил, что чело́вская журналистика в опасности?

– А для чего он это делает?

– Возможно, хочет прочитать последние новости.

– Мог бы залезть в Интернет.

– То есть украсть телефон?

Хамзи прикинул, как офицер будет громить магазин электроники, и вздохнул:

– Согласен, лучше уж киоск...

– Ты понимаешь, что происходит?

– С трудом.

– Мы с тобой стоим у окна гостиничного номера в Новосибирске и наблюдаем, как голем, в форме времен Великой Отечественной войны, крушит газетный киоск.

– Может, реконструкторы увлеклись?

– Какие реконструкторы? – не поняла фата.

– Ну, чьи-нибудь детишки из Тайного Города решили поиграть в Великую Отечественную, наплодили солдатиков и выпустили их из-под контроля, – объяснил свою мысль шас.

– Не думаю, что это реконструкторы, – помолчав, ответила ведьма. И подняла указательный палец, привлекая внимание к приближающемуся звуку сирены: – Но вот это – точно полиция.

Тем временем голем разбил стекло витрины, сгреб в охапку подвернувшиеся под руку газеты и со всех ног бросился к скверу за Оперным театром.

– Есть ощущение, что все это – выходка твоего приятеля, – поморщился шас.

– Дамир!

– Он специально устроил представление под нашими окнами.

– Перестань!

– Чтобы привлечь твое внимание.

– Нет!

– А зачем в таком случае Пифуций притащился в Новосибирск? – перешел в наступление Хамзи.

– Я не знаю.

– За тобой!

– Ты представляешь конца, который ради девушки потащится на другой конец света? – Роксане пришлось зайти с главного козыря. – Прости за тавтологию.

– Нет, не представляю.

– Вот видишь.

– Но что он здесь делает?

– Я не знаю!

Дамир засопел.

А Роксана отвернулась и принялась с преувеличенным вниманием наблюдать за действиями полиции. Впрочем, смотреть было особо не на что: четверо патрульных лишь покосились на искореженный киоск и бросились в сквер, логично предполагая, что больше вандалам деться некуда.

– Ты встречала Пифуция раньше? – вернулся к важной для себя теме шас.

– Мы были знакомы, – коротко поведала фата.

– Просто знакомы?

– Какая разница? Теперь ведь я с тобой, не так ли?

– Так...

В последнее время Дамир Хамзи чувствовал себя не в своей тарелке.

А ведь еще несколько дней назад он был счастлив. Не смейтесь – именно счастлив. Как может быть счастлив шас.

Во-первых, он ухитрился раскопать интереснейший документ, способный сделать его не просто богатым, а сверхбогатым.

Во-вторых, он сумел договориться с фатой Зеленого Дома, то есть высококлассной ведьмой, способной провести операцию.

И, наконец, в-третьих, он влюбился в эту самую ведьму, и чувство было взаимным!

Роксана оказалась чудовищно хороша: и в постели, и в работе; союз получился великолепным со всех точек зрения, но появление в Новосибирске Пифуция спутало все карты, поскольку Дамир заревновал. А заревновав – затосковал, поскольку противостоять чарам концев не могла ни одна женщина на свете...

А затосковав, Хамзи сделался вредным и неуживчивым и постоянно теребил подругу глупыми вопросами:

– Это наверняка он устроил!

– Зачем ему все это устраивать?

– А зачем он вообще тут появился?

– Откуда я знаю?

– Я чувствую, что это неспроста.

– Я приехала сюда с тобой, – в миллионный раз поведала раздраженная до последнего предела фата. – Только с тобой. Ты мне веришь?

– Да.

Их губы двинулись навстречу, но в этот момент из темноты сквера вынырнули полицейские. С уловом. И именно этот трепещущий и верещащий улов прервал назревающий поцелуй.

– Вы не имеете права! Вы ответите за произвол! Вы за все ответите!

– Спящий тебя покусай! – с чувством выругалась Роксана. – Не может быть!

– Продолжишь утверждать, что он тут случайно? – холодно поинтересовался шас. После чего вскинул голову и демонстративно удалился в соседнюю комнату.

– Да как же это все вообще? – растерянно спросила у равнодушной луны ведьма. – Что вообще происходит?

Удивление ее имело все основания, потому что из сквера бодрые полицейские вытащили не кого-нибудь, а Пифуция.

Собственной персоной.

* * *

Больше всего на свете майор криминальной полиции Борис Иванович Колпаков ненавидел ночные звонки. Во-первых, после них он уже не мог заснуть, даже если не приходилось никуда мчаться. Во-вторых, бежать сломя голову, как правило, приходилось. В-третьих, на финише ночных забегов майора обычно ждал не какой-нибудь приятный приз, а тяжелая работа.

И чем старше становился Колпаков, тем крепче становилась эта его ненависть. Крепче даже, чем неприязнь к начальству, которое только и знало, что намекать майору на предпенсионный возраст, якобы мешающий ему качественно исполнять служебные обязанности. Претензий по существу начальство не предъявляло, ведь базовый объем работы Колпаков осваивал, стрелял прилично, даже физподготовку ухитрился сдавать не хуже некоторых молодых, то есть уволить его формально было не за что, вот и выдавливали потихоньку, обделяя наградами, премиями и повышением в звании, зато щедро «одаривая» критическими намеками.

За что начальство так не любило майора? Если честно, основания имелись, Колпаков и сам это понимал. Нет, не за откровенные высказывания в глаза, правдорубом Колпаков не слыл. И не за дотошность, граничащую с занудством, – эти качества сыщикам никогда не мешали.

Начальство, да и сослуживцы не любили Колпакова за отстраненность, которую некоторые воспринимали как высокомерие, и совершенно напрасно, поскольку в действительности Борису Ивановичу было просто неинтересно в органах, и служба давно превратилась для него в каторгу. Но менять ее он категорически не хотел, вот и отбывал свой номер, мысленно планируя в рабочее время будущий пенсионный досуг.

Так что никакого высокомерия, обычное несоответствие призванию. Но сотрудники этого не понимали, а начальство и не стремилось понять, просто задвигало Колпакова на третьи роли и в лицо высказывало надежду, что Борис Иванович не пересидит на своем месте ни одной лишней секунды.

Такая нетерпимая обстановка могла вывести из себя любого, и майор, конечно же, злился, но виду не подавал ни при начальстве, ни при сотрудниках. Колпаков твердо решил закончить службу достойно – подать рапорт об отставке, когда придет законный срок. Ни секундой позже, как, впрочем, и надеялось чертово начальство, но и ни минутой раньше!

То есть – через неделю.

О планах Колпакова знали все, поэтому новой работой почти не нагружали, позволяя неспешно «подчистить хвосты» и сдать дела преемнику, совсем зеленому лейтенанту Игорю Зяблицову – единственному, пожалуй, сотруднику, с которым у майора сложились более-менее нормальные отношения. Но все же позволить Колпакову совсем ничего не делать сволочной непосредственный начальник не мог, вот и подкинул «дембельский аккорд». Причем сделал это, гад такой, в авральном режиме ночного звонка, чтобы у майора развеялись последние сомнения в необходимости послать все к черту и уволиться.

Впрочем, гораздо больше, чем форма подачи, обидело Колпакова содержание «аккорда»: ему предстояло расследовать акт вандализма против газетного киоска, нагло совершенный в центре города буквально час назад. Заслуженному ветерану напоследок поручили заглянуть в щель между плинтусом и полом. Нагнули – ниже некуда.

Но приказ есть приказ, и давать повод для взыскания Колпаков не собирался.

Спешно собравшись, он спустился и сел в машину лейтенанта Зяблицова вполне спокойным, даже расслабленным на вид. И на месте происшествия он тоже вел себя так, словно история заслуживает внимания, поскольку имеет некое второе дно, доступное только сыщикам, а никак не патрульным.

И даже во время допроса Колпаков ухитрился сохранить полнейшее хладнокровие, и это несмотря на то, что свидетель... или подозреваемый... или просто случайный прохожий, которого схватили ретивые патрульные, оказался существом склочным и склонным к скандалу.

Пифин Павел Никанорович.

Московский гость.

– Вы, конечно, понимаете, что вас накажут? – осведомился он, едва увидев Колпакова.

– За что? – удивился полицейский.

– За то, что вы меня тут держите.

Подозреваемый, свидетель или случайный прохожий был невысоким, а если называть вещи своими именами, то низеньким и совершенно лысым толстяком, любящим одеваться с крикливой яркостью. В настоящий момент он предстал перед майором в дивном бирюзовом пиджаке, алой рубашке, таких же брюках и желтых ботинках. Но главное – в украшениях. Извлеченный из сквера гражданин оказался обладателем не менее полутора десятков перстней с крупными камнями, толстой золотой цепи и серьги с крупным бриллиантом в правом ухе. Колпаков «на глазок» прикинул стоимость «цацок» и удивился отсутствию шести как минимум телохранителей с автоматами.

– Вам крепко со мной не повезло.

– Вы были задержаны недалеко от места преступления, – сообщил майор. – Но вы и так это знаете.

– Задержан? Почему?

– Потому, что... – Колпаков перевернул страницу, быстро читая накорябанный на ней отчет патрульных. – Потому, что... Ого! А где девушка?

– Какая девушка?

– В рапорте написано, что вы... гм... – Патрульные уверяли, что на лавочке развернулось нечто, нарушающее общественную нравственность, однако задержать спутницу толстяка не смогли. Но хором утверждали, что при их приближении лысый натягивал штаны. – В общем, тут написано, что вы были не один.

– Вам не кажется, что патрульных необходимо проверять на наркотики и алкоголь? – доверительно поинтересовался подозреваемый свидетель.

– Не забывайтесь.

– И не раз в год, по предварительному согласию, а перед каждым дежурством.

– Не забывайтесь.

– Я был один.

– В рапорте написано, что вы... э-э... нарушали нравственность.

– И где в таком случае девушка?

Несколько секунд полицейский и не полицейский пристально смотрели друг на друга, после чего Колпаков вздохнул и попытался пойти другим путем:

– Послушайте, Павел... Никанорович...

– Да?

– Вам сорок три года...

– Неужели? – с искренним изумлением переспросил гражданин Пифин.

– Тут так написано.

Толстяк перегнулся, заглянул в раскрытую книжечку паспорта и через пару секунд признал:

– Да, сорок три. – Правда, прозвучало признание недостаточно уверенно.

– Вы как будто удивлены, господин Пифин.

– Нет, что вы! Просто, оказывается, время летит так быстро...

– Вам сорок три года, а вы до сих пор в парках с девушками нарушаете...

– Разве это нарушение?

– ...общественную нравственность.

– Грешен.

В кабинете вновь повисла тишина.

– Гм... – Майор еще раз перелистнул туда-сюда лист рапорта и мысленно проклял патрульных, не сумевших дать ему толковую зацепку. – На самом деле мои коллеги немного перестарались. Обвинений против вас никаких нет...

– Вот!

– Но вы могли видеть преступника.

– Где? – изумился Пифин.

– В сквере.

– Настоящего преступника?

– Да.

– Нет.

– Что «нет»? – не понял полицейский. – Не видели?

– Не могу поверить, – доверительно ответил толстяк. – Я всего два дня в вашем чудесном городе, а со мной столько всего произошло... Я не могу поверить! Просто не могу! По сравнению с тем, что я переживаю сейчас, вся моя жизнь кажется пресной и бессмысленной. Я видел преступника!

– Вы его видели?

– Нет.

– Точно?

– Увы. Возможно, я был увлечен...

– Чем? – У Колпакова еще оставалась возможность привлечь нахального толстяка за нарушение общественной нравственности, однако тот оказался не таким глупым, как решил для себя майор.

– Я читал, – сообщил он.

– Что?

– Книгу. – Господин Пифин попытался соединить пальцы рук, но не смог – перстни помешали, поэтому он просто пошевелил ими на весу и выразительно посмотрел на Колпакова. – И увлекся.

– Патрульные указали, что возле лавочки, которую вы занимали, не работал фонарь.

– Я читал книгу на телефоне, – объяснил толстяк.

– Можно посмотреть?

– Ну, что вы, в музее, что ли? Телефон как телефон. С кнопками.

– Я хочу убедиться, что на нем есть соответствующее приложение.

– Для этого вам нужно получить разрешение судьи, – с лучезарной улыбкой напомнил Пифин. – Слышали такое слово: «закон»?

– Слышал.

– Вот и чудненько.

Ловить здесь было совершенно нечего. Толстенный Пифин то ли валял дурака, то ли и впрямь ничего не видел, но его намек на «закон», подразумевающий прибытие дорогостоящего – понятно по «цацкам» – адвоката, Колпаков услышал.

– Вы ведь не собираетесь в ближайшие пару дней уезжать из города?

– Ни за что не уеду, – пообещал подозреваемый свидетель. – Обязательно дождусь, чтобы узнать, кто преступник. Кстати, что он сделал?

– Сломал газетный киоск, – со всей возможной строгостью ответил майор.

– Совсем сломал?

– До свидания.

– Всего хорошего.

В дверях Пифин столкнулся с Зябликовым и остановился, судя по его виду – с горячим желанием остаться и послушать отчет лейтенанта, однако был вежливо, но твердо выставлен вон.

– Что у тебя?

– Довольно странная картина вырисовывается, Борис Иванович.

– Рассказывай.

Зябликову майор поручил разобраться с ближайшими к скверу камерами наблюдения. Понятно, что на дворе ночь, свет отвратительный, да и сама оптика, мягко говоря, не «Цейс», но картинка, хотя бы приблизительная, поможет восстановить картину произошедшего, и она...

Она взяла, да и подкинула горсть загадок.

– Я снял информацию с камер наружного наблюдения в кафе и в гостинице, всего шесть штук. Просмотрел их и составил небольшое кино...

– Как только успел?

– Меня этому учили.

– Молодец, что учился... показывай.

Лейтенант включил планшет и поставил его перед Колпаковым.

– Первый фрагмент, камера кафе № 2, отлично видна трамвайная остановка. Видите?

– Да.

– Останавливается трамвай, из него выходит всего один пассажир: длинноволосый гражданин в футболке и штанах-карго...

– Это наш клиент? – нетерпеливо поинтересовался майор.

– Нет, но допросить мы его сможем, – не совсем понятно ответил Зябликов.

– То есть?

– Сейчас... – Игорь выдержал короткую паузу. – Вы смотрите дальше, Борис Иванович, я все объясню после кино. – На экране патлатый пассажир трамвая спокойно прошел в сквер, а через несколько минут... – Вуаля!

– Черт!

– Я знал, что вы именно так оцените увиденное.

Из сквера патлатого за шкуру вытащил высокий широкоплечий офицер НКВД, словно сошедший с плаката военных времен.

– Я проверил, – тихо сообщил Зябликов, останавливая просмотр. – Примерно полтора часа назад гражданин Наскальный вломился в дежурную часть районного управления полиции и принялся писать чистосердечное, бормоча при этом, что иначе его убьют.

– Так... – протянул Колпаков, совершенно не зная, что сказать еще.

– Наскальный с потрохами сдал Рафика Мамедова по кличке Нефтяник.

– Так...

– У них уже начались аресты.

Несколько секунд полицейские смотрели друг на друга, после чего майор вновь перевел взгляд на планшет, на котором красовался мужчина в военной форме.

– Чистосердечное, значит...

– Ага.

– Обещали убить...

– Ага.

– Старая школа.

Это замечание лейтенант решил не комментировать. Наклонился к планшету и продолжил:

– А теперь самое интересное, Борис Иванович. Смотрите следующий фрагмент: офицер ведет гражданина Наскального по Красному проспекту.

– Не запрещено.

– Да, но это единственный безобидный эпизод. Смотрите, вот он замечает на перекрестке газетный киоск... Останавливается... Вот с этого ракурса лучше видно... – Зябликов сменил файл. – Это камера гостиницы № 6. Видите? Офицер смотрит на киоск, что-то говорит Наскальному, тот бежит в сторону управления, в которое войдет через несколько минут, а офицер ждет... Он подождал примерно три минуты, пока Наскальный не удалился, я вырезал это, а затем...

– Черт!

Здоровенный офицер повернулся к киоску и принялся его крушить.

– Он ломает жалюзи?! – не веря своим глазам, произнес Колпаков.

– Да!

– Голыми руками?

– Да!!

– Черт!

– Он разломал жалюзи, кулаком разбил стекло витрины, выгреб газеты... заметьте, явно наугад... и двинулся в обратный путь. Но тут его засекли патрульные...

– Я не вижу в кадре патрульных.

– В кадре их нет, но вспомните, что они говорили.

– Что увидели, как взломщик уходит по Орджоникидзе.

– А потом он исчез, – закончил Зябликов. – По версии патрульных, преступник нырнул в тень дома или деревьев. А теперь смотрите, как было на самом деле. Видите, наш клиент идет, идет, оборачивается – наверное, на звук сирены – и будто бы делает полицейским ручкой. Типа, амигос, адьес! После чего... оп-ля... исчезает рядом со сквером.

– В тени деревьев?

– Просто исчезает. Никакой тени там нет, отель хорошо освещен, и рядом с ним всегда светло, в любом закоулке и под любым деревом. Фокус-покус! Ну, что скажете?

– Зябликов, – майор устало посмотрел на лейтенанта, – давай сразу к ответам, без вопросов.

– У меня пока нет ответов, – развел руками Игорь. – Варианты есть, но...

– Аппаратура исправна?

– Скорее да, чем нет. И с записью никто не колдовал, это точно. Просто не было на это времени. Шапку-невидимку я исключаю, как неуместную сейчас фантазию, так что...

– Поехали к киоску...

Но ни осмотр киоска, ни беседа с очередными коллегами, изучавшими обстоятельства взлома, не дали новых зацепок. Колпаков специально сходил, постоял на том месте, где, если верить записи, исчез преступник, но никаких люков, куда бы он мог спрыгнуть, не увидел.

И тени там действительно не было.

Короче говоря, картина не вырисовывалась. В руках у сыщиков по-прежнему имелся только набор красок и холст.

Откуда взялся человек в форме НКВД – неясно.

Как он сумел за столь короткое время уговорить господина Наскального чистосердечно признаться в преступлениях – неясно. В смысле, догадки есть, но и только.

Зачем взломал киоск – неясно... Ну, не ради вчерашних газет, правда?

Куда делся потом – неясно.

– Мне бы запись на приличном компьютере посмотреть, – пробормотал Зябликов, когда они сели в служебную машину. – Особенно тот момент, когда этот... типа... наш коллега вдруг исчезает.

– Давай пока о нашем коллеге, как ты выразился, не будем? – неожиданно предложил Колпаков. – Начальству о форме одежды доложим, но на словах. А в рапорте пока не отметим. И журналистам – особенно.

– Чтобы не нагнетать?

– Вроде того.

– Но начальству доложим? – уточнил Зябликов, не желающий быть причастным к утаиванию улик.

– Обязательно, – серьезно подтвердил майор. – И я думаю, что начальство нас поймет.

* * *

1926 год, Алтай – Ново-Сибирск, привокзальная площадь.

«И случилось вторжение племен в царство Шамбалы, и сделалась она невидимой для глаз и чувств, ибо есть нечто большее в том царстве, чем во всем подлунном мире...»

Отрывок из древнего текста всплыл в памяти, словно объясняя ламе Церингу, для чего он сделал то, что сделал. Впрочем, к чему объяснения? О том, что драгоценный Чинтамани ни в коем случае не должен угодить в лапы нелюдей, знали все Хранители Сокровища. Это правило впитывалось в их естество, становилось сутью, и всегда, на протяжении всех жизней всех Хранителей, боролось только с одним желанием: отыскать путь в Шамбалу.

Кто-то оставался тверд и запрещал себе даже мечтать о загадочном царстве. Кто-то до самой смерти мучился, разрываясь между желанием и долгом. А кто-то говорил: «Я буду осторожен!» – и с головой окунался в поиски таинственных врат, скрытых от глаз и чувств...

Церинг был из числа последних.

Он знал, что никто из Хранителей, рискнувших начать Поиск, не умер своей смертью, но все равно пошел на риск. Не успокаивал себя бессмысленным: «Я умный, у меня получится!», а честно признался, что неспособен противостоять искушению и готов ко всему.

Получится – он будет счастлив, как никто другой.

Не получится – умрет.

И сегодня ночью он был катастрофически близок к тому, чтобы умереть.

– Кто-нибудь может сказать, что случилось?

– Как мы тут оказались?

– Где «тут»?

– Что?

– «Тут» – это где?

– Мы в каком-то городе...

– Удивительная сообразительность.

– Господа, прошу прощения за внешний вид, но я собирался спать.

– Гм... Я тоже.

Рерих и Хорш окинули друг друга взглядами и стыдливо улыбнулись. И было с чего: они стояли на улице, облаченные лишь в исподнее, и нелепо переминались босыми ногами, сиюсья понять, что происходит. Рерих делил с помощником комнату на постоялом дворе, из которой Церинг выдернул их перед самым отходом ко сну.

Их четвертый спутник – похожий на алтайца проводник, которого лама звал про себя «странный Яков», – оказался одет, обут, да еще и вооружен любимым «маузером». Проводник укладывался спать у дверей Рериха, услышал гул внутри, выбил дверь, ворвался в комнату и бесстрашно бросился в сформированный Церингом портал.

– Лама, вы понимаете, что произошло?

– Да, – скупно ответил тот.

– Это вы сделали! – догадался Рерих.

– Да.

– Но зачем?

– Потому что у Вахра есть любовница, – не очень понятно ответил Церинг. – Красивая человеческая девушка из соседнего селенья...

– Врешь!

– Нет.

– Сам слышал?

– Своими ушами, – подтвердил Дарг.

– У них есть Чинтамани? – все еще недоверчиво уточнил Тыщ.

– Да.

– Этот камень Великие Дома ищут тысячу лет, – напомнил Терс. – А ты отыскал его на постоялом дворе?

– Еще не отыскал, – буркнул в ответ Дарг. – Но я слышал, как бахвалились челы.

– Бахвалиться они умеют.

– Может, они только думают, что у них есть Чинтамани? – предложил свою версию Тыщ. – Какой-нибудь авантюрист убедил их в этом, они и повелись. Челы тупые.

– Отберем то, что они называют Чинтамани, и узнаем точно.

– Логично.

Молодые хваны замолчали, и несколько минут на сеновале, где Вахр разрешил переночевать Терсу и Даргу, слышалось только чавканье: Терс на ужин не попал и сейчас жадно доедал принесенную друзьями похлебку.

– Завтра возьмем, – негромко произнес Тыц. – Куда они идут, известно. Встанем пораньше, подготовимся...

– Завтра нельзя, – в тон ему ответил Дарг.

– Почему?

– Челы передают Чинтамани из надежных рук в надежные руки. Лама, что хранит камень, силен, и твой отец не зря предупредил, чтобы мы его не трогали. – Пауза, многозначительный взгляд. – В открытом бою мы не справимся.

– Посмотрим, – хмыкнул Терс.

– Кто-то точно умрет.

– Я могу прихватить братьев, – предложил Тыц.

– Кто-то точно умрет, – упрямо повторил Дарг.

– Что ты предлагаешь?

– Возьмем Чинтамани ночью. Сегодня ночью. – Самый юный участник совещания знал, что предлагает неправильное, и потому старался говорить предельно убедительно: – Лама будет спать, а нас будет трое. И никто не умрет... Кроме ламы.

– Дядя Вахр запрещает грабить челов в своем доме, – протянул Терс.

– Скажем, что это очень важно.

– Дядя Вахр чтит закон и не позволит убить гостя в своем доме.

Дарг перевел взгляд на Тыца. Тот цокнул языком и очень тихо сообщил:

– Сегодня ночью батя поедет к любовнице. Он спит с молоденькой человской девкой из соседнего селенья.

– Ого, – присвистнул Терс. – И твоя мать ее не убила?

– Мама пока не знает. Знаю только я. И вы. Теперь.

– Ага... – усмехнулся Дарг.

«Ага... – уныло повторил за хваном Церинг, отключая магическое ухо. – Вот и ловушка».

Нужно уходить, но бежать в одиночку лама не хотел. Не для того он потратил десятки лет на поиск нужного человека, чтобы бросить его в придорожном алтайском трактире.

«Извини, Николай, но тебе придется отправиться со мной...»

* * *

– Испанская чума меня возьми! – дрожа всем телом, поскольку ночь выдалась прохладной, произнес Луис. – Где мы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.